

МИХАИЛ ШАПОВАЛОВ

ПУШКИН И ПАН АДАМ

В парке усадьбы “Остафьево” у памятника Пушкину привычная глазу сценка: экскурсовод объясняет гостям музея “Русский Парнас” надписи на памятнике:

– Ниже барельефа, на котором изображён поэт, сидящий в овальном зале, выбито: “Он между нами жил...” Это начальная строчка из стихотворения Пушкина, посвящённого польскому поэту Адаму Мицкевичу. Но в данном случае, – комментирует экскурсовод, – она переадресована самому Пушкину...

Однако, если прочесть пушкинское стихотворение полностью, то подобное объяснение цитаты покажется “куцым” и не по существу. Цитировать следует если не целиком предложение, то хотя бы до первого грамматического знака. Сделаем так, и получим:

*Он между нами жил
Средь племени ему чужого...*

Вот оно!.. Русские поляку Мицкевичу были чужими. Он чувствовал себя обособленно в русской среде. Ведь если бы русские были ему близки, должно было б написать не “между”, а “он вместе с нами жил”, тогда и стихи стали бы другими. Но Пушкин написал то, что написал: развёрнутую характеристику польского поэта. И вот последние слова о нём:

*...Он
Ушёл на запад — и благословеньем
Его мы проводили.
Но теперь
Наш мирный гость нам стал врагом —
и ядом
Стихи свои, в угоду черни буйной,
Он напояет. — Издали до нас
Доходит голос злобного поэта,
Знакомый голос!..*

Недвусмысленное осуждение Пушкиным пана Адама обусловлено всей его сущностью и судьбой.

Ещё студентом Виленского университета Адам Мицкевич активно участвовал в деятельности подпольных националистических кружков. К двадцатипя-

тилетию он заявил о себе как поэт-романтик, зарабатывая на хлеб насущный уроками латинского языка в гимназиях. Заря жизни многое обещала ему. Но в октябре 1823 года Мицкевича с большой группой подпольщиков арестовали и поместили в тюрьму. Весной его выпустили на поруки, а через несколько месяцев по решению суда выслали из Литвы в Россию.

Мицкевич и два его товарища прибыли в Петербург 7 ноября 1824 года, когда город подсчитывал громадные убытки от страшного наводнения. На улицах ещё не успели убрать трупы лошадей, нижние этажи многих домов были затоплены, по каналам плыли стволы деревьев и мебель, а квартальные составляли списки погибших и пропавших без вести. В церквах молились представители всех сословий. Вид претерпевшей беду столицы Российской империи вызвал у ссыльных чувство скрытой радости. Склонные верить во всякие символы и приметы, они решили, что сама разрушительная стихия выступила на их стороне. «Прекрасные дни пережил я в Петербурге, потрясённый наводнением», — писал с удовлетворением Ф. Малевский.

В числе первых петербуржцев, с которыми свёл знакомство Адам Мицкевич, был масон, магистр ложи Белого орла Ю. Олешкевич и литератор Ф. Булгарин. Как единомышленника приняли его в свой круг и будущие декабристы: К. Рылеев, А. Бестужев и другие. Мицкевич посещал их сходки, слушал дискуссии и... молчал. Если сердце его и откликлось на пылкие речи о свободе, о свержении тирана, то личный опыт учил осторожности.

Ему разрешили по состоянию здоровья провести несколько месяцев на юге. Заговорщики использовали его как курьера для передачи секретных писем. С февраля по октябрь Мицкевич жил в Одессе, иногда выезжая в Крым, он посещал театры, балы, званые обеды, заводил любовные интрижки и писал «Крымские сонеты». Он уже знает имя Пушкина как автора крамольных стихов, которые читал ему Рылеев. Власти предписывают ему явиться в Москву. В пути он узнаёт о таинственной смерти Александра I в Таганроге.

Разгром декабрьского бунта на Сенатской площади и волна арестов были восприняты Мицкевичем как неизбежное.

С Пушкиным Мицкевич познакомился в октябре 1826 года в Москве. По его отзыву, Пушкин «в разговоре очень остроумен и увлекателен, он много и хорошо читал, знает новейшую литературу, его понятия о поэзии чисты и возвышенны. Написал теперь трагедию «Борис Годунов»... несколько сцен в историческом жанре, они хорошо задуманы, полны прекрасных деталей». Поэты стали встречаться и составляли интересную пару: небольшого роста, быстрый в движениях Пушкин, чьё лицо озаряла белозубая улыбка, и сдержанный, немногословный Мицкевич с выразительным взглядом из-под чёрных бровей.

Славу Мицкевичу в салонах Москвы и Петербурга принесли его импровизации. Услышав заданную тему, он начинал говорить ритмизованной французской прозой. Горящие глаза его словно бы вглядывались во мглу времён. Ни на минуту не прерываясь, он вписывал громоздкие романтические образы в ряд исторических фактов и географических подробностей, и голос его, казалось, принадлежал не ему, а кому-то другому, говорящему за него. Художник Г. Мясоедов изобразил сеанс импровизации на картине «Мицкевич в салоне княгини Зинаиде Волконской». На полотне в зале с античными колоннами и статуями пан Адам в обществе московских друзей начинает выступление, разводя вдохновенно руками. Гости, подогретые шампанским, были поражены. Ничего подобного им не приходилось ни видеть, ни слышать. Импровизатор привёл Пушкина в восторг. В присутствии Мицкевича Пушкин говорил и шутил меньше обычного, не забирая внимания на себя.

В России Мицкевич плодотворно работал над стихами. Вышли в свет «Сонеты» (1826), «Конрад Валленрод» (1828), двухтомник «Стихотворения» (1828). Поэтический дар Мицкевича давал всё основания считать его лучшим поэтом Польши. Князь П. Вяземский помог ему провести поэму «Конрад Валленрод» через цензуру и призвал русских поэтов в статье «Сонеты Мицкевича» переводить стихи польского собрата по перу. «Конрад Валленрод» привлёк внимание Пушкина. Сам автор, не вполне удовлетворённый своим сочинением, назвал поэму «политической брошюрой». Имя её героя перекликалось с именем Кондратия Рылеева, а повествование о поработанной Тевтонским орденом Литве казалось развёрнутым иносказанием о днях нынешних. Пушкин перевёл отрывок из поэмы («Сто лет минулось, как Тевтон...»).

В Москве пан Адам знакомится с Каролиной Яниш, девушкой “на выданье”. Талантливая, она легко усваивала языки, сочиняла стихи, рисовала. Мицкевич называл её Художница. Он давал ей уроки польского и влюбил девушку в себя. Каролина с трепетом ожидала объяснения и сватовства. Между тем, Мицкевич запрашивал приятеля своего Ц. Дашкевича: “. . . если бы она была действительно настолько богата, чтобы сама себя содержать как жена могла. . . я женился бы на ней, хотя кое-что в ней мне не по душе. . . Доведайся стороной (если это возможно), есть ли у неё состояние. Никаких обещаний от моего имени давать не следует. . .” Похоже, Карл Яниш, отец Каролины и профессор Медико-хирургической академии, не обеспечил дочери привлекательного для польского поэта приданого. Сватовство не состоялось. А Каролина позже вышла замуж за беллетриста Павлова и составила себе имя в русской литературе как поэтесса и переводчица.

Говоря о русских маршрутах “паломника” из Литвы, нужно упомянуть о посещении Мицкевичем усадьбы Петра Вяземского в подмосковном Остафьеве. Хозяин предоставил в распоряжение гостя великолепную библиотеку, основу которой заложили сочинения писателей эпохи Просвещения. Они могли беседовать о Вольтере или Байроне, о самоопределении Польши, и при этом хорошо понимали друг друга.

“Жизнь моя, — сообщил Мицкевич в письме Т. Зану, — течёт однообразно, и сказал бы, пожалуй, счастливо — настолько счастливо, что боюсь, как бы завистливая Немезида не уготовила мне какие-нибудь новые беды. Спокойствие, свобода мысли (по крайней мере, личная), порою приятные развлечения. . . утром читаю, иногда — редко — пишу, в два или три обедаю или одеваюсь, чтобы отправиться на обед; вечером езжу в концерт или ещё куда-нибудь и возвращаюсь чаще всего поздно”. Благодаря поручительству Ф. Булгарина перед Третьим отделением, Мицкевичу разрешили выезд из России. В мае 1829 года он простился с московскими и петербургскими друзьями.

Россия многое дала Адаму Мицкевичу, что бы он ни говорил и ни писал впоследствии. Кем он был до ссылки? Молодым поэтом из литовского захолустья и провинциальным учителем. Как отмечает автор биографии Мицкевича М. Яструн, “. . . он, собственно, и не знал отчизны. Уголок Литвы и Познани — и это всё. Он никогда не был в Варшаве, не видел Кракова”. Северная Пальмира потрясла Мицкевича. Проходя мимо Медного Всадника, он не мог не видеть в фигуре Петра, топчущего конём змею, грозный символ. Посещая салоны, общаясь с русскими литераторами, свободно читая иностранные издания, Мицкевич приобрёл светский лоск, расширил свои умственные горизонты. А романтическая природа Крыма обогатила его лирику. Такая ссылка выглядит сегодня как творческая командировка. Не забудем, что в России Мицкевич выпустил в свет книги на родном языке и в переписке с Лелевелем обмолвился: “. . . в литературе Польша на полвека отстала от России”.

Начались странствия Мицкевича по Европе, насыщенные встречами и размышлениями. В Берлине он слушал лекции Гегеля; в Веймаре беседовал с Гёте; в Риме он познакомился с Луи Бонапартом (будущим императором Франции) и с жаром импровизатора говорил о “негаснущей звезде” Наполеонов. Однако “завистливая Немезида” не дремала.

В ночь с 29 на 30 ноября 1830 года в Варшаве вспыхнуло антироссийское восстание. На транспарантах восставшие несли лозунги, взятые ими из стихов Мицкевича. Он понимал: его ждут в Польше, его место там — но почему-то медлил. Позднее он оправдывался: “Бог не позволил мне быть хоть каким-либо участником в столь великом и плодотворном для будущего деле”. Но должно признать: ссылка на Бога — всего лишь риторика. Вот факты. Только через полгода после начала военных действий Мицкевич под чужим именем приблизился к польской границе. И снова проявил нерешительность, по-видимому, не веря в успех восстания. Под ударами русских войск поляки отступали. К тому же поэта настиг очередной любовный недуг: у него завязался роман с К. Лубенской. Страстные ночи в Будзищеве перемешались с азартной осенней охотой и весёлыми пирами. . . 8 сентября 1831 года Варшава капитулировала.

Пушкин внимательно следил за развитием “польских событий”. Его особенно возмущало то, что во внутреннюю политику Российской империи (куда с 1815 года входило и Царство Польское) вмешиваются “витии” со стороны. Боясь усиливающейся роли России в Европе, левые депутаты во французском

парламенте (Лафайет и другие) требовали от своего правительства вооружённой поддержки полякам. Назревала европейская война. Пушкин полагал, что “теперешние обстоятельства чуть ли не так же важны, как в 1812 году”. Былой вольтерьянец и республиканец, Пушкин сильно изменился в своих воззрениях на мир за последние годы. Он достиг зрелости: видел связь времён и событий, мыслил, как человек государственный, как поэт русский. Прямым откликом на “спор славян между собою” явились стихи Пушкина “Клеветникам России” и “Бородинская годовщина”. Не унижая, не проклиная поляков, Пушкин обращается к тем, кто раздувает польский пожар:

*Но вы, мутители палат,
Легкоязычные витии,
Вы, черни бедственный набат,
Клеветники, враги России!*

.....
*Ваш бурный шум и хриплый крик
Смутили ль русского владыку?
Скажите, кто главой поник?
Кому венец: мечу иль крику?..*

“Бородинская годовщина”

Внутренняя энергия пушкинских стихов такова, что за вопросами уже читался ответ.

Камень лёг на сердце Мицкевича. Ему было стыдно смотреть в глаза участникам кампании. Он жадно слушал рассказы повстанцев и перекладывал их в стихи (“Редут Ордона”), чтобы быть вместе с ними хотя бы на словах. Но чувство вины не проходило. Когда на одном из собраний он встал и крикнул, что следовало бы всем погибнуть, но не сдавать Варшавы, то в ответ услышал ироническую реплику из уст генерала Малаховского, подписавшего капитуляцию: “Не для того ли, чтобы вы могли, рассевшись на руинах, воспеть погребённых?”

Летом 1834 года из-за границы вернулся С. Соболевский и подарил Пушкину том стихотворений Мицкевича. Для нас особый интерес представляют сочинения в цикле “Дзяды. Отрывок части III”.

Есть основания думать, что пан Адам читал “Клеветникам России” и “Бородинскую годовщину”. Об этом свидетельствует послание “Русским друзьям”. Вот важный кусок из него в подстрочном переводе: “Если до вас на север дойдут издалека эти жалобные песни вольных народов и прозвучат над страшною льдов, пусть возвестят они вам вольность, как журавли возвещают весну. Вы узнаете меня по голосу... Пока я был в оковах, я ползал тихо, как уж, — я хитрил с тираном, но вам открыл я то, что таилось в душе моей, и для вас всегда я хранил кротость голубя. Теперь я выливаю в мир кубок яда. Едка и жгуча горечь моей речи, горечь, высосанная из крови и слёз моей отчизны, пускай же она ест и жжёт не вас, но ваши оковы. А кто из вас посетует на меня, встречу его жалобу, как лай собаки, которая так привыкла к ошейнику и так терпеливо и долго его носила, что готова кусать руку, срывающую его”.

Это послание весьма красноречиво. Россия для Мицкевича отныне — “страна льдов”, где всё живое оледенело. Как будто не общался он, ссылный, с лучшими умами России! Как будто не испытал сердечное тепло русского гостеприимства! Мицкевич отныне игнорирует собственные признания, что жилось ему в России счастливо, что в России сопутствовали ему “спокойствие, свобода мысли... приятные развлечения...” Пишет: “Я был в оковах”. Каких?... Он даже не ходил на службу — московский генерал-губернатор князь Д. Голицын смотрел на это сквозь пальцы. И наконец, о какой “кротости голубя” заявляет польский поэт, если он тут же готов назвать недавнего друга москаля цепной собакой?..

К сожалению, послание “К русским друзьям” — не единственный случай “сведения счетов”. В стихах “Петербург” пером памфлетиста описана прогулка царицы со свитой (автор утверждает, что лица их напоминают роспись карточной колоды). Представители любых классов и сословий вызывают у Мицкевича только неприятие. Некий высший чин — “как толстый жук”, “подобен пике длинной” гвардейский офицер, чиновник перед ними “пресмыкается,

точно скорпион”, дамы на берегах Невы – “мотыльки столицы”. Чахоточный простолюдin говорит с радостью соседу: “Царя видал, с пажами болтал, и мой поклон заметил генерал”. Пан Адам, конечно, не соприкасается с нами, он – “между”.

Деспотизм, высокомерие и раболепство, по Мицкевичу, – главные составляющие русской жизни. Критического апофеоза достигает польский поэт в длинных виршах “Смотр войска”. В них более всех достаётся царю.

В это время Пушкин, верный дружбе, перевёл две баллады Мицкевича: “Воевода” и “Будрыс и его сыновья”. Ознакомившись с парижским изданием Мицкевича, Пушкин начинает литературную полемику с паном Адамом. Не соглашаясь с его “Петербургом”, во вступлении к “Медному всаднику” Пушкин даёт своё видение города:

*Люблю тебя, Петра творенье,
Люблю твой строгий, стройный вид,
Невы державное течение,
Береговой её гранит,
Твоих оград узор чугунный...
(...)
Красуйся, град Петров, и стой
Неколебимо, как Россия...
(...)*

Если польский поэт возводит хулу на имперскую столицу, то русский поэт её воспеваает. Мицкевич использует в стихах приём политической сатиры, на что Пушкин в ответ даёт пример высокой поэзии.

Оба после тридцати задумывались о том, что будет значить имя его в грядущем. Мицкевич писал:

*Меня читает Минск и Новогрудок чтит,
Переписать меня вся молодёжь спешит.
(...)
И стражникам назло, сквозь царской кары гром —
В Литву везёт еврей моих творений том.
“Из Горация”*

Пушкину не надо было диссидентствовать, вверять стихи свои контрабандистам для передачи их читателям на родине. С полным правом он скажет:

*Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык...
“Я памятник себе воздвиг нерукотворный...”*

После смерти Пушкина в журнале “Ле Глоб” Мицкевич опубликовал некролог о нём, где, в частности, писал: “Когда говорил он о политике внешней и отечественной, можно было думать, что слушаешь человека, заматеревшего в государственных делах и пропитанного ежедневным чтением парламентарных прений”. Мицкевич, как видим, признавал прозорливость и профессионализм Пушкина-политика. Присутствуют в некрологе и другие точные наблюдения: “Он ныне более любил вслушиваться в рассказы народных былин и песней и углубляться в изучение отечественной истории... он окончательно покидал чуждые области и пускал корни в родную почву... Он любил обращать рассуждения на высокие вопросы – религиозные и общественные... Очевидно поддавался он внутреннему преобразованию”.

Мицкевич жил теперь в Париже (наезжая временами и в другие места). Вышла в свет его большая поэма “Пан Тадеуш” (1834), после чего ему не удалось создать в поэзии ничего ей равного. В среде польской эмиграции держался он обособленно, писал преимущественно памфлеты и статьи, читал лекции. Его попытка выступить в качестве драматурга на французской сцене провалилась. В душе Мицкевича накапливались мистические сумерки, и настроение колебалось от отчаяния до безудержного гнева. Его прежняя роман-

тизация потустороннего (“Дзяды”) трансформировалась в новое “пророчество”. В Колеж де Франс, где он читал курс славянских литератур, Мицкевич вдруг заговорил о мессианской роли Израиля, который объединит три народа: еврейский, французский и польский. Канонический католицизм его больше не устраивал. Вместе с опасным шарлатаном А. Товянским он организовал секту “Коло”. Власти вынуждены были применить меры: Мицкевича лишили кафедры, а Товянского выслали из Франции.

Мицкевич не переставал искать случая искупить своё неучастие в мятеже 1831 года. Когда Италия поднялась против австрийского владычества, он сформировал Польский легион для поддержки итальянцев. Он встречается с Папой Пием IX с целью вовлечь его в большую политику. Мицкевич требовал, чтобы глава католической церкви объявил “крестовый поход” против монархов-тиранов. Папа полякам сочувствовал, однако заявить миру официально о симпатиях Ватикана в итальянской кампании не решился. На громкую эмоциональную речь пана Адама он несколько раз примирительно повторил: “Пиано! Пиано!” Когда же неуёмный посетитель пригрозил Папе, что в случае отказа “кровь польских юношей обагрит Ваши руки”, римский первосвященник позвонил колокольчиком, вызывая стражу, и кинул Мицкевичу в лицо: “Изыди!..”

Поляки приняли участие в кампании 1848 года, но легион славы не стяжал. Немногочисленные плохо обученные легионеры не могли противостоять регулярной австрийской армии. Одни дезертировали ещё до начала боевых действий, другие бежали с поля боя, бросая оружие и знамёна.

После неудачи с легионом Мицкевич вернулся к активной политической деятельности в Париже. Создаётся журнал “Народная трибуна”. На открытии его побывал А. Герцен, в “Былом и думах” есть интересные записи о Мицкевиче... “...В нём оставалось что-то неприязненное к России”, — отмечал Герцен. И далее: “Мицкевич свёл свою речь на то, что демократия теперь собирается в новый открытый стан, во главе которого Франция, что она снова ринется на освобождение всех притеснённых народов, под теми же орлами, под теми же знамёнами, при виде которых бледнели все цари и власти, и что их снова поведёт вперёд один из членов той венчанной народами династии, которая как бы самим провидением назначена вести революцию стройным путём авторитета и побед”. Экзальтированный трибун, призывающий Францию (где на троне был Наполеон III) повторить походы Наполеона I, Мицкевич попадал под пушкинское предупреждение:

*Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.*

“Клеветникам России”

Пути и перепутья Мицкевича вели его к финалу, о котором молчало советское литературоведение. Можно без преувеличения сказать: главным духовным стержнем эмигрантского существования пана Адама была жажда мщения.

Шла Крымская война. В союзе с Турцией против России выступили Великобритания, Франция и Сардинское королевство. Осенью 1855 года Мицкевич прибыл в Стамбул для формирования Польского легиона. Войска располагались в Бургасе. Над палатками развевалось знамя, на котором с польским католическим крестом кощунственно соседствовал турецкий полумесяц. Разве не знал Мицкевич, сколько бед принесли турки Польше? Знал, конечно, но готов был заключить союз с кем угодно, лишь бы против России.

Однажды во время просмотра отрядов Мицкевич увидел всадников с характерными лицами. И тогда он решил создать Еврейский легион, потому что бездомные евреи так же ненавидят Россию, как рассеянные по Европе поляки. Одержимому поэту грезился возрождённый и вооружённый Израиль в унии с Речью Посполитой. Недаром близко знавший его З. Красинский сказал как-то о Мицкевиче: “Я уверовал в дьявола, глядя на этого человека, на его ненависть, на его радость, как только где-нибудь льётся кровь...” Ученик Мицкевича Леви повёл переговоры с еврейскими старостами в Стамбуле о наборе волонтеров.

Но судьбе угодно было, чтобы Мицкевич не пролил русской крови. В конце ноября он скорострительно скончался от холеры.

Теперь вернёмся к тому, с чего начинали, – в литературный музей “Русский Парнас”. Неудачное цитирование на памятнике Пушкину, уводящее нас в сторону от прямого смысла пушкинского стихотворения, едва не привело к следующей непоправимой ошибке. В конце прошлого века среди сотрудников музея проводили опрос: кто за то, чтобы в парке установили памятник Адаму Мицкевичу? К счастью, здравый смысл восторжествовал. Иначе мы крупно подыграли бы польским русофобам. Ещё бы! На русские деньги, в русской литературной усадьбе мог возникнуть памятник польскому поэту – врагу России. Это при том, что Пушкин написал стихи “Он между нами жил средь племени ему чужого...” И тут же в парке стоит памятник Карамзину. Историк советовал Александру I в своей работе “Мнение русского гражданина”: “...для Вас Польша есть законное владение... Нет, Государь, никогда поляки не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками”.

Порой ещё можно встретить мнение: мол, Мицкевич решился на войны не с русским народом, а с русским царизмом. Представим на минуту... Еврейский легион высаживается в Крыму и вместе с турками принимает участие в боях. Кто их враги? Русские солдаты и офицеры, сыны народа. Их и стали бы убивать. При чём тут абстрактный царизм? Это всего лишь политическая уловка.

Сегодня есть возможность обращаться к подлинным текстам, к фактам истории. Нет цензуры. Подлежат коррективам оценки многих писателей. Не будем поступаться правдой.

.....
В “Нашем современнике” №5 за 2014 год допущены ошибки:

- на стр. 143 строку 4 сверху следует читать:

Вячеслав Иванович Марченко (1930–1996) – писатель-маринист.

- на стр. 144 строку 20 сверху следует читать:

Фролов Леонид Анатольевич (1937–2010) – прозаик, главный редактор (1980–1984)